

В.Е. Науменко

Симферополь

К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата

В современной историографии наблюдается значительный рост интереса к событиям истории Хазарского каганата, важнейшего фактора политической стабильности на юге Восточной Европы в сер. VII — сер. X вв. Он сопровождается публикациями новых археологических материалов «хазарского времени» и соответственно критическим переосмыслением известных свидетельств письменных источников по данной тематике¹. Тем не менее многие вопросы, связанные с историей Хазарского каганата, его населения и народов, оказавшихся в зоне контактов с ним, не имеют пока удовлетворительного объяснения. К числу таковых, безусловно, относятся проблемы ранней политической истории хазар. В настоящей работе остановимся на вопросах, касающихся времени и обстоятельств образования Хазарского каганата, среди которых немаловажная роль отводится «болгарскому» фактору. Заметим, что малочисленность собственно хазарских письменных свидетельств делает интересующие нас проблемы дискуссионными и не имеющими в современной науке однозначного решения². Кроме того, важно подчеркнуть, что представленные в статье заключения не могут являться претензией на завершение дискуссии. Скорее в настоящем исследовании делается попытка осветить существующие в современной историографии представления и наметить круг наиболее перспективных гипотез по данной проблематике.

В историографии стало традиционным относить рождение кочевого объединения во главе с хазарами к сер. VII в. и связывать его появление с новым политическим балансом сил в степной зоне Восточной Европы, сложившимся здесь после развала Западно-Тюркского каганата [Вернадский 1996, 217; Артамонов 1962, 160; Плетнева 1986, 20 — 21; Ludwig 1982, 134; Golden 1980, 50; Голден 1993, 217; Ай-

¹ Показательным в этой связи является проведение в последние годы ряда специальных международных конференций, посвященных в целом проблемам истории Хазарского каганата: I и II коллоквиумов «Хазары» в Иерусалиме (1999 г.) и в Москве (2002 г.), полные материалы которых пока, к сожалению, не изданы, и историко-археологического симпозиума «Хазарское государство и проблемы историко-культурного развития народов Евразии» в Харькове (2002 г.), результатом работы которого стал первый том настоящего Альманаха.

² Библиография работ, в которых рассматривались разнообразные проблемы ранней истории хазар и Хазарского каганата, огромна. Отметим лишь ряд монографических изданий, ставших уже «классическими» в хазароведении: Артамонов 1936; Dunlop 1954; Артамонов 1962; Гадло 1979; Golden 1980; Ludwig 1982; Магомедов 1983; Плетнева 1986; Новосельцев 1990. Из новейших работ по данной тематике выделим основательную статью К. Цукермана: Цукерман 2001, 312 — 333.

бабин 1999, 171)³. Состояние нашей источниковедческой базы не позволяет пока говорить о более точной дате образования Хазарского каганата, хотя такие попытки существуют. Очевидно, что она не может быть соотнесена с событиями «закавказского» похода императора Ираклия (610—641) 20-х гг. VII в., как это делают некоторые исследователи на основании хорошо известного сообщения Феофана о тождестве хазар с восточными тюрками [Вернадский 1996, 215; Новосельцев 1990, 88; 2001, 64—65; Комар 2000, 141]⁴. Подробное исследование данного вопроса, предпринятое недавно К. Цукерманом, показывает, что использование этникона «хазары» по отношению к союзникам Ираклия в Закавказье в это время является не более чем обычной интерполяцией византийского хрониста, создававшего свое произведение в начале IX в. В более ранних по времени составлениях источниках («Источник В» (около сер. VII в.), вошедший как составная часть в «Историю Албании» Мовсеса Дасхуранци (кон. X в.); «История Армении» Себеоса (50—60-е гг. VII в.); «Бревиарий» Никифора и некоторые другие) они названы «тюрками» [Цукерман 2001, 315—320]. Соглашаясь с выводами французского исследователя, остановимся лишь на анализе титулатуры верхушки кочевников, который дает возможность, на наш взгляд, представить более ясно политическую расстановку сил в регионе в это время.

Никифор называет предводителя варваров куртос, Феофан — «Зиевилом» (Ζιέβιλ), бывшего «вторым человеком по достоинству после кагана». Среди их «вождей» («архонтов») находится его старший сын [Чичуров 1980, 59, 159—161]. У Мовсеса Дасхуранци верховным правителем союзников Ираклия является «Царь Севера». «Следующий (в переводе А.П. Новосельцева) [по чину] после северного царя, именем Джебухаган, второй в царстве его», заключил союзный договор с византийским посланником Андреем. Непосредственным же военным руководителем варваров во время их походов в Закавказье был «Шад» — племянник «Царя Севера» и сын «Джебу-кагана» [Артамонов 1936, 52—64; Чичуров 1980, 100; Новосельцев 1990, 87]. «Джебу-каган» Мовсеса Дасхуранци тождественен, очевидно, «джембуху» — «тчетуху» в «Истории» Себеоса, действовавшему в это время против персов в Средней Азии и Закавказье от имени «великого кагана, царя северных народов» [Артамонов 1936, 69; 1962, 147], а также «Джибго-эриставу» древнегрузинских источников [Новосельцев 1990, 87]. Из приведенных сообщений очевидно, что союзников Ираклия возглавлял правитель с титулом

³ Межплеменные войны и династийная борьба в империи тюрков, приведшие к гибели Восточно-Тюркского (ок. 630 г.) и Западно-Тюркского (ок. 659 г.) каганатов, нашли отражение не только в китайских [Бичурин 1950, 255, 283—285; Кляшторный, Савинов 1994, 23], но и в ряде древнеармянских [Мовсес Дасхуранци] [Артамонов 1936, 64—65] и византийских (Никифор) [Чичуров 1980, 161] источников.

⁴ Феофан в своей «Хронографии» (около 813 г.) при описании закавказского похода Ираклия (610—641) против персов сообщает, что император около 626 г. заключил союз с восточными тюрками, «которые называют хазарами», скрепленный помолвкой их правителя с дочерью императора Евдокией («Бревиарий» Никифора (770-е гг.)) [Чичуров 1980, 59, 160; Mango 1990, p.57]. Данный сюжет имеет обширную историографию, что избавляет нас от необходимости подробно излагать перипетии указанных событий [Кулаковский 1996, 89—91; Артамонов 1936, 50—65, 69—70; Dunlop 1954, p.28—32; Артамонов 1962, 145—156; Гадо 1979, 132—137; Ludwig 1982, S.348—454; Новосельцев 1990, 86—89; Цукерман 2001, 321—324].

«Джебу-каган». Византийские источники дают его искаженную форму — «Зиевил». «Джебу», в свою очередь, уверенно ассоциируется с титулом «йабгу» древнетюркских надписей («е — Ху» китайских письменных источников [Зуев 1998, 155, 159]), который носили высшие сановники, члены каганского рода периода I Тюркского каганата [Бернштам 1946, 111 — 112; Зотов 1986, 210; Кляшторный, Савинов 1994, 19; Кычанов 1997, 103 — 104]. Вероятно, с момента создания Тюркской империи носитель титула «йабгу» считался вторым лицом в государстве, о чем определенно свидетельствует анализ трактата «О чинах и званиях» у ранних (середины VI в.) тюрков, включенного в состав ряда китайских энциклопедий конца X — нач. XI вв. [Зуев 1998, 154 — 155, 159]. Со времен Истеми (552 — 575) (Синджибу арабо-персидских и Дизавул-Сильзибул византийских источников) он применялся к правителям западных провинций каганата, считавшихся младшей ветвью династии Ашина [Кляшторный, Савинов 1994, 18 — 19]⁵, а после раздела Тюркского каганата в 80-х гг. VI в. сохранился за западными каганами [Голден 1993, 217; Кляшторный, Савинов 1994, 18 — 19], находившимися в формальной зависимости от восточных правителей. В интересующий нас отрезок времени во главе Западно-Тюркского каганата стоял Тон-ябгу (йабгу) (618 — 630), с которым, очевидно, и следует отождествить Джебу-кагана Мовсеса Дасхуранци и Зиевила Феофана. «Царем Севера» армянского автора являлся, в свою очередь, восточно-тюркский каган. Титулом «Шад» обозначали знатного сановника, принадлежащего к каганскому роду и выполнявшего определенные военные и административные функции в отдельных уделах тюркской империи [Зотов 1986, 210; Кычанов 1997, 103 — 104]. В рассматриваемых событиях он, безусловно, выступает лицом, подчиненным «йабгу». В отличие от титула «шад» (шат, иша, бек, пех), который в Хазарском каганате использовали по отношению к правителю, сосредоточившему в своих руках в IX — X вв. всю полноту гражданской и военной власти [Новосельцев 1990, 139 — 142], «йабгу» не известен в достоверных источниках применительно к хазарской административной терминологии [Dunlop 1954, 31 — 32]. Это позволяет видеть в союзниках Ираклия западных тюрков, а не хазар, как у Феофана. Обозначение же византийским хронистом «хазарами» западных тюрков, народа, уже сошедшего к этому времени с исторической арены, но регулярно упоминавшегося в византийских источниках для событий кон. VI — нач. VII вв., объясняется близостью географической зоны обитания на юге Восточной Европы обоих этносов, а также сходством, в представлении Феофана, их хозяйственно-культурного типа, принципов военной организации и характера дипломатических контактов с Империей. В данном случае под указанным этнонимом скрывается не информация о происхождении, а этнический символ, содержащий закрепленные традицией общие представления о месте обитания, образе жизни, деятельности, быте и нравах⁶.

⁵ «Синджибу» определенно не имя, а титул тюркского правителя. Расшифровывается как «Син» (от «China» — Китай) — Джебу». Как и в случае с «Зиевиллом» Феофана, «Дизавул-Сильзибул» — искаженный на византийской почве тюркский титул «Джебу» («Йабгу») [Dunlop 1954, 32].

⁶ Этнокон «тюрки» используется также в византийских источниках X — XI вв. по отношению к мадьярам [Moravcsik 1958, 321]. В.П. Шушарин, детально исследовавший этот вопрос, пришел к выводу, что в данном случае применение византийцами этого термина в связи с конкретным этносом отра-

Еще одной попыткой уточнить время образования Хазарского каганата, используя тот же круг источников, является гипотеза К. Цукермана. По его мнению, появление кагана хазар в «краткой» версии (не позднее 670 г.) и его отсутствие в «длинном» списке (между 661 и 665 гг.) «Армянской географии» («Ашхарануйц») Анании Ширакаци дает нам «реальное ощущение динамики перемен, происходивших с подъемом хазар», и свидетельствует об образовании каганата около 670 г. Описания же событий этого времени в арабо-персидских источниках IX – XI вв. являются слишком поздними и поэтому «не могут гарантировать этнического определения» кочевников [Цукерман 2001, 314, 328 – 329]. Такое заключение выглядит отнюдь не бесспорным. Во-первых, детальное сопоставление сведений об этногеографии Северного Кавказа обеих редакций «Ашхарануйц», появившихся, как уже отмечалось, на протяжении очень короткого промежутка времени, позволяет предположить, что этникины «савиры» и «хазары» обозначают в них один и тот же народ, правитель которого носил титул «каган» уже в начале 60-х гг. VII в.⁷ Во-вторых, столь скептическая оценка данных арабо-персидской историографии о событиях VI – VII вв. на Кавказе не может быть принята безоговорочно, тем более что этот блок сведений из истории сасанидского Ирана восточные авторы черпали из «Хвадай-намак» («Книги жизнеописаний царей персидских») — официальных персидских хроник, составленных накануне гибели государства персов и переведенных на арабский язык впервые в сер. VIII в. Ибн Мукафрой [Новосельцев 1990, 24; Ахмедов 1990, 63].

В арабо-персидской историографии хазары как самостоятельная политическая сила в регионе фигурируют уже при описании арабских походов в Закавказье в 40 – 50-е гг. VII в. У ат-Табари (838 – 923) правитель Дербента Шахрийар около 643 г. называет их среди своих врагов [Новосельцев 2000, 272 – 273]. Ал-Белазури (ум. 892 г.) при описании арабских военных кампаний 654 – 655 гг. упоминает

этап незнания ими самоназвания мадьяр, являясь элементом этнического стереотипа по отношению к различным народам, действовавшим в западной части степной зоны Евразии. По его мнению, «Тактика» Льва VI Мудрого (886 – 912), составленная после 904 г., описывает не народ «турки», а тип вошного дела, сходный, по представлениям ее автора, у западных тюрков и мадьяр [Шушарин 1997, 119 – 133].

В «длинной» версии «Армянской географии» (между 660 и 665 гг.) говорится, что к северу от Дербента «близ моря находится царство гунинов, на западе у Кавказа город гунинов Вараджан (Варажан), а также города Чунгарс и Мсндар (Семендер). К востоку живут савиры до реки Таата (Атиль, Волга), отделяющей Азиатскую Сарматия от Скифии, то же, что Апахтар или Туркестан [речь идет, несомненно, о Скифии]. Царь их [т. е. савиров] называется хаган, а царица, жена хагана, хатун». Выше сообщается, что на реке «Атьль» (Волга), на острове, от сильных народов «хазар» и «бушхов», приходящих сюда на зимние стойбища, укрываются «баслы» (басилы, барсилы). Близкие сведения сохранила и «краткая» (не позднее 670 г.) редакция «Ашхарануйц». Здесь среди народов Азиатской Сарматии, ограниченной реками Танаисом (Донем) на западе, Атиль (Волгой) на востоке, Кавказскими горами «у Грузии и Албании» и Каспийским морем на юге, упоминаются «хазары», «буши», «баслики» (басилы, барсилы). Последние локализируются по течению реки «Этиль» (Волги). В конце отрывка говорится, что «севернее [Дербента] живут гуны, у которых город Варачан и другие города. Царь севера называется хаган. Он владыка хазар. Царица же, жена хагана, происходит из народа Басилов» [Патканов 1883, 27 – 31]. Прямое отождествление хазар и савиров содержится у ал-Масуди (ум. 956 г.), у которого первые по-тюрки «называются Ясир (Савир), а по персидски — Хазаран, то есть племя внутренних Турков, но имя их арабизовано и гласит Хазар» [Новосельцев 1990, 79; Гаркави 1871, 31].

хазар дважды. В начале они наряду с аланами и абхазами входят в состав византийской армии во главе со стратигом фемы Армениак, потерпевшей поражение на Евфрате от Хабиба Ибн Ма'сламы. Затем хазарские войска разбивают 4-тысячный отряд арабов во главе с Салманом Ибн Раби'а ал-Бахили, проникший после завоевания Албании в области, лежащие к северу от Дербента [Шагинян 1998: 28–32]. По данным ал-Йакуби (около 891 г.) и ал-Куфи (ум. 926 г.), правитель хазар во время указанных событий носил титул «каган» [Новосельцев 1990, 89]. Как бы мы ни оценивали хронологическую точность и степень достоверности эти сведения, ясно, что в основе их лежат реальные исторические факты⁸. Соответственно, существование Хазарского каганата уже в 40–50-е гг. VII в. не может быть исключено. В то же время очевидно, что в сферу его влияния и, возможно, интересов области Закавказья еще не входили.

Ситуация изменяется к кон. 50-х – нач. 60-х гг. VII в., когда Арабский халифат, после убийства халифа Османа в 656 г., вступает в период внутренних междоусобиц. Тем самым его возможности прямого вмешательства в «кавказскую политику» становятся ограниченными. Армянские источники сообщают о регулярных походах хазар в области Восточного Закавказья в это время. Следствием их стал мирный договор правителя Кавказской Албании Джуаншера с «царем гуннов» (хазар), закрепленный его браком с хазарской принцессой [Артамонов 1962, 181–186; Новосельцев 1990, 175; Гадло 1979, 137–140; Шагинян 1998: 33–34]. отождествление савиров и хазар в «Армянской географии» Анании Ширакаци позволяет утверждать, что достоверное упоминание правителя хазар с титулом «хаган» содержится уже в ее «длинной» версии, составленной между 661 и 665 гг. [Патканов 1883, 28, 31; Цукерман 2001, 325, 329]. Таким образом, неоспорим факт существования самостоятельного Хазарского каганата к началу 60-х гг. VII в., ведущего активную внешнюю политику на Кавказе. Более того, письменные источники определенно свидетельствуют о территориальной экспансии хазар в это время не только в южном, но и в западном направлениях. Та же «длинная» версия «Ашхарануйц» сообщает о расселении в Подунавье одной из болгарских орд во главе с Аспарухом, сыном Хубраата (Худбадра), бежавшей от хазар «из гор Булгарских (Гиппийских)» [Патканов 1883, 26, 29]⁹.

⁸ Трудности, возникающие у исследователей при работе с восточными авторами, хорошо иллюстрирует, например, «История» Халифы Ибн Хайята (не ранее 850–851 гг.), в недавно изданных фрагментах которого, посвященных ранним походам арабов в Закавказье, хазары отсутствуют [Бейли 2000, 32–36].

⁹ Хубраат, безусловно, тождествен правителю знюгундууров Куврату у Феофана и Никифора [Чичуров 1980, 61, 161–162]. Орда Аспаруха занимала наиболее восточные области обитания болгарских племен в восточноевропейских степях. О локализации «Гиппийских» («Булгарских») гор автор «Армянской географии» сообщает следующее. Река «Ира» (Ра — Волга), «которая вытекает из северной неизвестной стране двумя истоками, которые затем соединяются, и, дойдя до Гиппийских гор, делает из себя рукав к реке Танаису (Дону), впадающему в море Меотис (Азовское море). Остальная часть поворачивает к востоку у гор Кераунских [Патканов 1883, 29]. «Гиппийские» горы, судя по этому описанию, расположены в месте наибольшего сближения Дона и Волги, т. е. географически их местоположению соответствуют северные отроги Ергеней. В этом случае под «Кераунскими» горами «Ашхарануйц» понимает Южные Ергени и Ставропольскую возвышенность. О локализации «Гиппийских гор» см.: [Артамонов 1962, 172; Гадло 1979, 111; Димитров 1987, 107].

По данным еврейско-хазарской переписки X в. и византийских источников (Феофан, Никифор), именно борьба с болгарами за гегемонию на юге Восточной Европы становится временем выхода хазар на историческую арену и складывания их государственности. Это заставляет остановиться на современном состоянии проблем, связанных с изучением болгаро-хазарских отношений в середине VII в. Привлечение археологических материалов позволяет более точно наметить хронологический рубеж смены болгарского доминирования хазарским в степной зоне юга Восточной Европы. Однако вначале следует сделать небольшое отступление, касающееся состояния изученности в историографии проблемы исторической географии Хазарского каганата в целом и собственно этнических хазар.

Основу для изучения географии каганата составляют данные Краткой и Пространной редакций Ответного письма хазарского царя Иосифа кордовскому эмиру Хасдаю Ибн Шапругу (сер. 50 – X гг. X в.) [Коковцов 1932, 81 – 87, 98 – 112]. В современной историографии признается подлинность этого документа, в том числе и его пространной редакции, сохранившейся в рукописи XIII в. [Dunlop 1954, 131 – 133; Артамонов 1962, 8 – 12; Фейгина 1972, 225 – 234; Новосельцев 1990, 7; Голб, Прицак 1997, 11, 102 – 127]. Однако при решении вопроса, к какому времени следует отнести сведения Иосифа в отношении географии Хазарии, среди историков нет единодушия. Одни полагают, что эти данные соответствуют эпохе самого автора Письма [Баранов 1990, 152; Мыц, Адаксина 1999, 126], другие относят их к более раннему времени [Артамонов 1962, 10, 386 – 387] — середине VIII – IX вв. [Гадло 1979, 187], концу VIII – середине X вв. [Герцен 1993, 64], концу IX – началу X в. [Новосельцев 1990, 7].

Помимо территории Хазарского государства в широком смысле, ограниченной главным образом течением Волги на востоке, Дона — на западе, предгорьями Центрального и Восточного Предкавказья — на юге, источник указывает на своеобразный «родовой домен» Иосифа, населенный, вероятно, собственно хазарами, в пределах которого он совершал свои весенне-осенние перекочевки¹⁰. Этот регион ограничен течением Нижнего и Среднего Дона на западе (р. Бузан), Кумы на юге (р. В-р-шан или В-д-шан), низовьями Волги на востоке (здесь находились «зимовники» хазар) [Коковцов 1932, 82 – 83, 86 – 87, 102 – 103, 112; Артамонов 1962, 387 – 390; Гадло 1979, 136, 189 – 190]. О зимних становищах хазар в дельте Волги сообщают также «Ашхарануйц» («Армянская география») Анания Ширакаци и Ибн Русте (ок. 903 г.) [Патканов 1883, 29; Хвольсон 1868, 666]. В представлении грузинского писателя Леонтия Мровели (2-я пол. XI в.), существовали «Великая Хазария» на Волге, коренными жителями которой являлись собственно хазары, и «Малая Хазария», расположенная к северу от реки Кубань и населенная иными по своему происхождению племенами [Гадло 1979, 196; Абхазия и абхазы 1988, 37 – 40].

¹⁰ О территории Хазарского каганата в целом см.: Рыбаков 1952, 84; Рыбаков 1953, 135 – 148; Артамонов 1962, 386 – 393; Плетнева 1967, 187; Новосельцев 1990, 100 – 112; Вернадский 1996, 227 – 228. О его южной и западной границах подробнее см.: Гадло 1979, 171 – 183, 187 – 189; Герцен 1993, 60 – 64; Афанасьев 2001, 47 – 53.

Картографирование погребальных памятников «хазарского времени» на юге Восточной Европы показывает, что главным образом в пределах отмеченного «треугольника» (между верховьями Кубани и Кумы, низовьями Дона и Волги) археологически фиксируются подкурганные захоронения, главным образом с подбоем и квадратным ровиком, одиночные или представленные целыми могильниками [Клейн, Раев, Семенов, Субботин, 1972, 133–134; Мошкова, Федорова-Давыдова 1974, 71–72; Семенов 1978, 180–182; Шнайдштейн 1978, 60–61; Плетнева 1981, 71–72; Семенов 1983, 98–102; Косяненко 1983, 113–116; Федоров-Давыдов 1983, 55–56; Федоров-Давыдов 1984, 80–94; Семенов 1987, 64; Копылов, Смоляк 1988, 58–64; Семенов 1988, 102–109; Плетнева 1990, 82; Власкин, Ильюков 1990, 137–152; Семенов 1991, 126–127; Крутлов 1992, 176–182; Плетнева 1997, 122–128, 196–205; Afanas'ev 1999, 1; Безуглов, Науменко 1999, 35–42; Иванов, Копылов, Науменко 2000, 81–89; Иванов 2001, 96; Афанасьев 2001, 53–54; Афанасьев, Атавин 2002, 14–16; Ключников 2002, 49–51]¹¹, которые большинство современных исследователей, с определенными оговорками, связывает с этническими хазарами [Семенов 1978, 180–182; 1983, 96–102; 1987, 64; 1988, 102–109; 1991, 126–127; Плетнева 1981, 71–72; 1990, 82; 1997, 122–128, 196–205; 2002, 83; Федоров-Давыдов 1983, 55–56; Копылов, Смоляк 1988, 58–64; Крутлов 1992, 176–182; 2002 (а), 61–66; 2002 (б), 87; Afanas'ev 1999, 1; Безуглов, Науменко 1999, 35–42; Иванов, Копылов, Науменко 2000, 81–89; Иванов 2001, 96; Афанасьев 2001, 53–54; Иванов 2002 (а), 36–38; 2002 (б), 35; Ключников 2002, 49–51; Раев 2002, 87]. На сегодняшний день, специалистам известно около 200 подобных комплексов, по некоторым данным, около 300 [Афанасьев 2001, 53; Афанасьев, Атавин 2002, 15]. Однако слабая их опубликованность позволяет лишь наметить общую хронологию в пределах 2-й пол. VII–X вв., чаще 2-й пол. VII–IX вв. [Федоров-Давыдов 1983, 56; 1984, 93–94; Плетнева 1990, 82; Власкин, Ильюков 1990, 150; Семенов 1991, 126–127; Крутлов 1992, 176; Afanas'ev 1999, 1; Иванов, Копылов, Науменко 2000, 81; Иванов 2001, 96; Афанасьев 2001, 54], характерные черты погребального обряда этой группы памятников [Семенов 1987, 63; Копылов, Смоляк 1988, 58–59; Власкин, Ильюков 1990, 137–148; Плетнева 1997, 121–127; Комар, Пioro 1999, 154; Иванов, Копылов, Науменко 2000, 81; Иванов 2001, 96; Флеров 2001, 71–80; Крутлов 2002 (а), 62–63; Иванов 2002 (б), 35–39]. Особое внимание исследователей привлекают погребальные комплексы с солидами 2-й пол. VII–сер. VIII вв. [Клейн, Раев, Семенов, Субботин, 1972, 133–134; Семенов 1978, 180–182; 1983, 99; 1987, 63; 1988, 102–105, рис. 4, 4а, 109; 1991, 126–127; Косяненко 1983, 113–116; Афанасьев 1987, 193–201; Копылов, Смоляк 1988, 59–64; Крутлов 1992, 182; Безуглов, Науменко 1999, 35–41; Тахтай 1999, 160–164], которые свидетельствуют о союзнических и дипломатических контактах хазар и Византии в это время [Семенов 1993, 95]. Это подтверждается письменными свидетельствами о династийных браках Юстиниана II и Константина V с хазарскими принцессами [Чичуров 1980, 62, 68; Mango 1990, 100–101, 130–131]. На сегодняшний

¹¹ Наиболее полная сводка публикаций, посвященных подкурганным захоронениям с ровиками хазарского времени на юге Восточной Европы, приведена в работах В. Е. Флеровой [Флерова 2001, 71–82; 2002, 170–171, рис.1].

дань именно совпадение области обитания хазар по данным еврейско-хазарской переписки и ареала подкурганных с подбоем и квадратным ровиком захоронений, нумизматические находки из них, а также принципиальное отличие погребального обряда носителей этой группы памятников и населения салтово-маяцкой культуры являются наиболее важными аргументами при отождествлении «культуры курганов с квадратными ровиками» с этнической культурой хазар [Афанасьев 2001, 54].

По официальной версии в Хазарском каганате, складывание его государственности и территориальных пределов происходило в борьбе с более сильными и многочисленными народами, известными в Пространной редакции Письма Иосифа (сер. 50-х гг. X в.) под названием «в-н-н-тр'ы». Источник сообщает, что хазары «заяли их [т.е. в-н-н-тр'ы] страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего времени. В стране, в которой я [т.е. Иосиф] живу, жили прежде В-н-н-тр'ы». Последние, преследуемые хазарами, переселились на реку «Руна» (Дуна, очевидно, Дунай) вблизи «Кустандины» (Константинополя), где живут «до настоящего дня» [Коковцов 1932, 75, 92]. Исходя из указанных сведений, наиболее вероятным выглядит отождествление «в-н-н-тр'ы» еврейско-хазарской переписки X в. с болгарями [Коковцов 1932, 92; Dunlop 1954, 43; Артамонов 1936, 45–47; 1962, 172; Гадо 1979, 129; 1985, 19; Новосельцев 1990, 90; Айбабин 1999, 171]. Лингвистически форме «в-н-н-тр'ы» наиболее соответствует название одного из болгарских племен — «оногундуры» («оногуры») [Коковцов 1932, 92; Артамонов 1936, 42–45; 1962, 172; Moravcsik 1958, 219; Димитров 1987, 48, 108]¹².

Сообщение Иосифа не дает ясного представления о том, что он имеет в виду, когда говорит, что живет в стране «в-н-н-тр'ы», — область «родового домена» или в целом территорию Хазарского каганата. Остановимся на проблеме локализации в-н-н-тр'ы — оногуров — оногундугов. В степях Восточной Европы они впервые фиксируются Приском Панийским (ок. 463 г., «оногуры») [Приск Панийский 1948, 264]. Среди «гуннских» народов, обитавших в VI в. на востоке указанной географической зоны, их отмечают Захарий Ритор («ауангур») [Пигулевская 1939, 114], Иордан («хунугуры») [Иордан 1997, 68], Агафий Миринейский («оногуры») [Агафий 1953, 73], Феофилакт Симокатта («унугуры») [Феофилакт Симокатта

¹² В арабо-персидской историографии лингвистически сходны с «в-н-н-тр'ы» названия народов «вндар» в «Худуд ал-Алам» (около 982–983 гг.) и «ндар» у Гардизи (нач. XI в.) [Заходер 1967, 53–54]. Однако информатор восточных авторов имел смутные представления о местообитании и этнической принадлежности этих племен. Более определенно ал-Масуди, который связывал с болгарями «кочевые племена тюрков, называемых Валендари (Влндар) от имени города на окраине греческих границ северо-востока, называемого Валендер (Влндар)...». Эти болгары во времена ал-Масуди владели большей частью византийских провинций на Балканском полуострове [Васильев 1902, 38–39]. Тождество оногундугов-оногуров с болгарями, пришедшими во главе с Аспарухом на Балканы в конце VII в., определенно следует из сообщений составителя актов VI Вселенского собора 680–681 гг. византийца Феофана («уногуры-булгары») [Moravcsik 1958, S.219; Шушарин 1997, 115; Бешевлиев 1981, 21; Димитров 1987, 35] и Константина Багрянородного («оногундуры») [Известия 1934, 45]. Последний в трактате «О фемах» отмечает разницу между терминами «булгары» и «оногундуры». Имя «булгар» (этноним) стало известным византийцам после появления их во Фракии; «раньше их звали оногундурами» (этноним) [Известия 1934, 45; Moravcsik 1958, S.100]. Для Феофана этнические понятия «уногундуры-булгары» и «булгары» — синонимы. Родиной их являлась «древняя Великая Булгария» [Чичуров 1980, 36, 60].

1996, 189]. Хороним, производный от этникона «оногуры», использует Равеннский Аноним, сообщая, что «около Понтийского моря» расположена «страна, которую зовут Оногурией, которую философ Ливаний более точно определяет как соседствующую с центром — болотом Меотида» [Шушарин 1997, 116]. Это свидетельство, имеющее определенный географический ориентир (Меотида — Азовское море), не дает, однако, ясного представления, в какой части Приазовья расселялись оногуры. Такие же трудности возникают при локализации епархии «оногуров» Готской митрополии в нотицин начала 60-х гг. IX в. [Daigouzes 1981 242]. Конкретизировать местонахождение Оногурии помогают данные Феофана и Никифора. Оба автора, рассказывая «о древности» (περὶ τῆ ἀρχαιότητος) (Феофан) или «о начале» (περὶ τῆ ἀρχῆς) (Никифор) болгар, перешедших Дунай около 680 г., говорят, что их родиной является «древняя Великая Булгария» или «назвавшаяся в древности Великой Булгария» [Чичуров 1980, 60, 161 — 162; Mang 1990, 87 — 89], расположенная в Восточном Приазовье между низовьями Кубани и Дона [Чичуров 1976, 65 — 80]. Таким образом, «страна в-н-н-тр'ы» («Оногурия» Равеннского Анонима, «Великая Булгария» Феофана и Никифора) локализуется в Восточном Приазовье. С востока она ограничена, по «Ашхарануйцу», северными отрогами Ергеней и нижним течением Волги. Как видим, географически область обитания «в-н-н-тр'ы» имеет близкие пространственные пределы с «доменом Иосифа, что служит еще одним аргументом в пользу хазарской принадлежности археологически фиксируемых на этой территории подкурганых захоронений ровиками. Текстологический анализ указанных фрагментов «Хронографии» («Бревиария», проделанный И.С. Чичуровым, не вызывает возражений. Однако сопоставление его результатов с известными фактами из истории и географии северо-причерноморских болгар VI — VII вв. наталкивается на ряд серьезных противоречий¹³.

При такой локализации Великой Булгарии остается необъяснимым расселение на ее территории в середине VII в. помимо «унногундуrow булгар» («булгар») соименных им «котрагов» [Чичуров 1980, 36, 60, 161 — 162]¹⁴. В историографии «оногуров-оногундуrow» традиционно отождествляют с «утигурами», «котрагов» — «кутригурами» [Moravcsik 1958, 165, 238 — 239]. Именно так обозначали византийцы

¹³ Исторической географии и политической истории Великой Булгарии посвящена обширная историография. Обзоры ее см.: Чичуров 1980, 108 — 113, 168 — 169, 174 — 175; Димитров 1987, 30 — 31, 101 — 127. Среди отечественных работ «классическим» остается исследование М.И. Артамонова [Артамонов 1962, 157 — 169]. В болгарской литературе выделим недавние статьи И. Божилова, Хр. Димитрова, Ст. Йорданова [Йорданов 1996, 49 — 69; 1997, 89 — 108; 2000, 213 — 231; Божилов, Димитров 1997, 7 — 59]; там же содержится новейшая библиография по данной теме. Археологические памятники, связанные с пребыванием болгар в Северном Причерноморье, обобщены в недавних работах Р. Рашива и А.И. Айбабина [Айбабин 1999, 98 — 99, 163 — 164; Рашиев 2000, 16 — 52]. Преждевременным, на наш взгляд, выглядит использование некоторыми исследователями данных волжско-булгарской летописи XIII в. «Гази — Барадж тарихы», опубликованной в Казани в 1993 г. [Баранов 1997, 19 — 21; Георгиев 2000, 49; Львова 2001, 34 — 36]. По мнению О.М. Приходнюка, она содержит не только легендарные сведения свидетельств времени существования Волжской Булгарии, но и несомненные современные вставки — фальсификации [Приходнюк 2001, 21 — 25].

¹⁴ И.С. Чичуров при переводе указанного отрывка разделяет «унногундуrow» и «булгар» запятой, видимо, понимая под ними два родственных, но различных народа [Чичуров 1980, 60]. Нам кажется, что для этого нет оснований. Учитывая синонимичность этих названий у Феофана, а также замечания

ские и сирийские авторы болгарские племена, обитавшие соответственно к востоку и к западу от Танаиса в степной зоне Восточной Европы в VI в. [Прокопий 1950, 385 – 388, 434 – 438; Агафий 1953, 147 – 148, 162 – 164; Византийские историки 1860, 320 – 321, 324 – 325, 391 – 393; Пигулевская 1939, 114]. Наш особый интерес вызывает сообщение Прокопия и Агафия о том, что поселению кутригуров в междуречье Дона и Дуная предшествовал не датированный византийскими историками период их совместного с утигурами пребывания в Восточном Приазовье [Прокопий 1950, 385 – 388; Агафий 1953, 147]. О том же пишет общий источник Феофана и Никифора, относя расселение котрагов к западу от Дона только к середине VII в. [Чичуров 1980, 61, 162]¹⁵. В рассказе о разделении пяти сыновей хана Кровата (Куврата) говорится о появлении в это время болгар на территории Паннонии и в Италии, что противоречит хронологии событий, сохраненной параллельными свидетельствами греческих и латинских источников [Чичуров 1980, 61, 162]¹⁶. Невозможность разрешить противоречия, возникающие при сопоставлении указанных данных, закономерно приводит к мнению о легендарном характере этого сюжета у Феофана и Никифора (Д. Ангелов) [Чичуров 1980, 113].

Не меньшие трудности вызывает интерпретация сообщения Никифора об антиаварском восстании «кира» («государя») уногундууров Куврата, племянника Органы, в 30-х гг. VII в., в результате которого он «изгнал из своих земель бывший при нем от хагана [аваров] народ [войско?]». Следствием стало посольство болгарского правителя к Ираклию и заключение политического союза с Византией [Чичуров 1980, 161]¹⁷. При ограничении территории Великой Булгарии пределами Восточного Приазовья появляются трудности с определением восточной грани-

Константина Багряиородного относительно их отличной смысловой нагрузки [Известия 1934, 45], представляется, что «булгары» являются этнонимом этих племен, в то время как «уногундууры» — византийским этнонимом. Добавим, что среди всех известных рукописей «Хронографии» лишь в ее латинском переводе, выполненном Анастасием Библиотекарем (60-е гг. IX в.), содержится термин «оногундууры» (Onogundurensium) [Чичуров 1980, 38].

¹⁵ Считается, что среди прочих общих источников Феофан и Никифор использовали Хронику Траяна Патрикия и «Великий Хронограф» [Чичуров 1980, 19; Литаврин 1999, 195]. С. Манго Хронику Траяна датирует временем около 720 г., «Великий Хронограф» — не ранее 1-й пол. IX в. В его введении и комментариях к изданию Лондонского списка «Бревиария» подчеркивается уникальность сведений Никифора относительно истории северо-причерноморских болгар, трудности с их хронологией, отсутствие параллельных, кроме Феофана, свидетельств [Mango 1990, 14 – 18, 177 – 178, 188, 194 – 196].

¹⁶ По данным письменных источников, появление болгар в Паннонии относится к аварской эпохе. Меандр сообщает о господстве над ними аваров, скрепленном брачными узами, участия кутригуров в совместных военных акциях [Византийские историки 1860, 324, 391 – 393]. В «Хронике Фредегара» (ок. 660 г.) болгары-кутригуры являлись основной оппозиционной силой аварам во время борьбы за власть в каганате, разгоревшейся в 631 – 632 гг. и завершившейся исходом части болгарского населения во главе с Алциоком (Алцеком Павла Диакона) на запад, в Баварию [так называемая Хроника Фредегара 1995, 371, 392 – 393]. У Павла Диакона (ок. 788 – 799 гг.), при лангобардском короле Гримоальде (665 – 671) они поселились в Италии, в Беневенто [так называемая Хроника Фредегара 1995, 394]. С одним из сыновей Куврата, поселившимся в Паннонии, связывают болгарского «архонта» Кувера «Чудеса св. Димитрия Солунского» (80 – 90-е гг. VII в.), который около 680 – 685 гг. восстал против аваров, после чего мигрировал в Македонию [Чудеса св. Димитрия Солунского 1995, 171, 206 – 207].

¹⁷ «Бревиарий» не содержит точной хронологии событий. И.С. Чичуров датирует этот эпизод между 634 и 640 г. Вполне обоснованным выглядит отождествление Кровата-Куврата, хана Великой Булгарии, и Куврата, правителя уногундууров, Никифора. В историографии с ним или с его дядей Органой связывают государя тунигов, принявшего крещение и получившего сан патрикия в Константи-

цы Аварского каганата. Чтобы разрешить их, одни исследователи полагают, что авары Никифора следует видеть западных тюрок [Новосельцев 1990, 75], подчинивших утигуров (унногундугов) в конце VI в. [Византийские историки 186–420], другие считают, что правители унногундугов и Великой Булгарии являются разными лицами (Львова З.А.) [Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фоняко 1997, 143; Львова 2001, 28–30]. На наш взгляд, наиболее обоснованной выглядит точка зрения, согласно которой сообщение Никифора может свидетельствовать о подчинении Кувратом в 30-х гг. VII в. не только приазовских, но и северо-причерноморских болгар. Однако в этом случае границы Великой Булгарии значительно расширяются в западном направлении, до низовьев Днепра [Вернадский 1996, 213; Оболенский 1998, 72; Артамонов 1936, 37; 1962, 157; Димитров 1987, 4–105].

Итак, при решении указанных вопросов ключевым является интерпретация хоронима «Великая Булгария», который используют Феофан и Никифор в сюжете о разделении болгарских племен. Что понимали под этим понятием византийские хронисты? К какому времени следует отнести совместное проживание расселение различных болгарских племен? Прежде всего напомним уже выработанную точку зрения о том, что использование эпитета «Великий, Великая» к определенному топониму в источниках может указывать на область «вторичной колонизации» этносами той или иной территории [Чичуров 1980, 111]. Нам кажется, что это заключение вполне применимо и к понятию «Великая Булгария», указывая на исходный район миграции болгарских племен на территории Европы¹⁸. В этом случае интересующий нас рассказ Феофана и Никифора утрачивает хронологическую достоверность. Его появление, вероятно, является попыткой объяснить происхождение различных болгарских племен на территории Западной, Центральной и Восточной Европы, предпринятой неизвестным автором общего источника этих сведений у византийских хронистов. Это заключение позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, источник Феофана и Никифора к моменту своего сочинения знал о пяти территориальных группах болгар

на воле около 619 г. (Никифор), а также Кубрата, князя гунигов и племенника Органа, крещенного юности и выросшего в императорском дворце Ираклия (Иоанн Никиусский (VII в.)) [Чичуров 1980, 159; Сокровища хана Кубрата 1997, 74]. Такая интерпретация данных источников требует дополнительных обоснований. В рассказе Никифора отсутствуют какие-либо указания на область обитания гунигского правителя. «Qetrades» и «Kuetaaka» эфипского текста Иоанна Никиусского почему-то при переводе заменяются на «Кубрат» и «Органа» [Mango 1990, p.178].

¹⁸ В средневековых исторических сочинениях образованные таким образом хоронимы — широко распространенное явление. Известны «Великая Моравия» (Μεγάλη Μοραβία), «Великая Армения» (Μεγάλη Ἀρμενία), «Великая Хорватия» (Μεγάλη Χρῶατία), «Великая Венгрия» (Μαγνα Ὑγγαρία), «Великая Ирландия» (Irlandit mikla) и т.д. [Константи Багрянородный 1991, 118–119, 140–141, 160–161; Райт 1988, 76–77; Шушарин 1997, 160–161]. Наиболее близкие параллели к названию «Великой Булгарии» находим при рассмотрении понятия «Великая Венгрия» (Μαγνα Ὑγγαρία) обозначавшего в венгерской средневековой традиции область обитания мадьяр на востоке до их расселения в Паннонию. Достоверность предания была подтверждена во время путешествия монаха доминиканца Юлиана в 30-х гг. XIII в. в Поволжье. Примечательно, и это особенно близко к ситуации с Великой Булгарией, что помимо Magna Ungaria в источниках встречается синонимичное ему название Ungaria Major («Старшая (Старейшая) Венгрия») [Шушарин 1997, 157–161]. Данные археологов помогают локализовать «Великую Венгрию» на территории, ограниченной левобережьем Нижней Камы, южным Приуральем, восточными склонами Уральских гор [Халикова 1975, 40; 1976, 152].

в Европе (отсюда и число сыновей Куврата), когда-то населявших Восточное Приазовье и входивших в состав двух родственных племенных конфедераций — котрагов-кутригуров и утигуров-оногуров-оногундугов. Они локализируются в Италии, Паннонии, Фракии, Северном Причерноморье, Восточном Приазовье. Эта этногеографическая ситуация середины — 2-й половины VII в., сложившаяся ко времени экспансии хазар в Северное Причерноморье, согласуется с данными иных греческих и латинских авторов. Во-вторых, хороним «Великая Булгария» не следует отождествлять с кочевым объединением уногундугов во главе с Кувратом, подчинившим племенные группы приазовских и северо-причерноморских булгар.

Хронология событий, связанных с установлением хазарского господства на юге Восточной Европы, восстанавливается с привлечением свидетельств как письменных, так и археологических источников. Развал Западно-Тюркской империи и острый внутривластный кризис в Аварском каганате приводят к появлению самостоятельного кочевого объединения уногундугов, приазовских булгар. Их правитель, Куврат, между 634 и 640 г. распространил свою власть на области кутригуров, лежащие к западу от Дона и находившиеся до этого в зависимости от аварских каганов. Появление нового фактора политической стабильности в регионе закономерно приводит к установлению византийско-булгарских союзных отношений. Булгарское посольство в Константинополь и ответные дары Иракия, в том числе сан «патрикия» для Куврата, определенно свидетельствуют о том, какое внимание уделяла Византия политической ситуации в Северном Причерноморье. «Государство» Куврата, очевидно, не пережило своего создателя, умершего «во времена Константина Западного» — Константа II (641 — 668) [Чичуров 1980, 60, 162]. Феофан и Никифор сообщают, что после его смерти «из глубин Берзилии» (Верилии) (Северо-Западный Прикаспий) вышли хазары. По Феофану, «великий народ хазар... стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до *Понтийского моря*. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» [Чичуров 1980, 61]. У Никифора хазары «подвергли нападению все селения в землях за *Понтом Эвксинским и достигли моря*. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань» [Чичуров 1980, 162]. Из приведенных отрывков очевидно, что западными пределами хазарской экспансии стали Керченский пролив, Восточное Приазовье, река Дон, т. е. местообитание орды Баяна. Не случайно в источниках подчеркивается данническое состояние приазовских булгар и не говорится о какой-либо зависимости от хазар котрагов-кутригуров, обитавших западнее. Обе редакции «Армянской географии», датированные соответственно 661 — 665 гг. и около 670 г., также локализируют хазар в Азиатской Сарматии, западной границей которой являлся тот же географический рубеж [Патканов 1883, 27 — 31].

Не все уногундуры оказались в подчинении у хазар. Восточная группа во главе с Аспарухом, кочевавшая у северных отрогов Ергеней и низовьев Волги, переселилась в междуречье Днестра и Дуная, в местность, которая на их языке называлась «Ога» («Онга») [Чичуров 1980, 61, 162]. По «Ашхарануиц», миграция завершилась не позднее начала 60-х гг. VII в. Около 680 г. уногундуры появляются

во Фракии [Чичуров 1980, 61, 162]. Эта хронология подтверждается латинским хронистом Сигебертом, который под этим годом помещает запись: «от сего времени следует вести начало Болгарского государства» [Литаврин 1999, 212]¹⁹. Из всего вышесказанного следует ряд важных заключений. Во-первых, экспансия хазар была ограничена областью обитания уннугундуrow и не распространялась на более западные территории. По «Армянской географии», Феофану, Никифору, в период хазарских миграций фиксируются две основные племенные группы уннугундуrow — орда Батбаяна, кочевавшая на территории «Великой Булгарии», в Восточном Приазовье, и орда Аспаруха, обитавшая восточнее. Есть все основания предположить, что с уходом Аспаруха и признанием вассального статуса Батбаяном начальный этап хазарской экспансии в общих чертах завершился²⁰. Во-вторых, указанные события относятся к 40–50-м гг. VII в., будучи ограничены во времени смертью Куврата и появлением уннугундуrow на левобережье Дуная. Уточнить их хронологию, как и многие слабоосвещенные в письменных источниках вопросы исторической географии «державы» Куврата и ранних хазар, помогают данные археологии.

С кочевниками восточноевропейской степи VI–VII вв. связывают две группы памятников. Рядовому населению приписывают группу одиночных впускных погребений, совершенных по обряду труположения на спине, с преобладающей северо-восточной ориентацией, в ямах овальной или прямоугольной формы, иногда с «запечками», или в подбойных могилах, иногда с сопровождающим целым или частичным («чучело» или «шкура» лошади) захоронением коня, с ременной гарнитурой «геральдического» типа. Общая датировка укладывается в пределах 2-й пол. VI — нач. VIII в., чаще 2-й пол. VI — кон. VII в. или 2-й пол. VI — 2-я треть VII в. [Амброз 1981, 12–13; Орлов 1985, 98–105; Орлов, Смиленко 1986, 226–228; Бараиов 1990, 109–115; Айбабин 1985, 197–201; 1990, 72; 1999, 97–98, рис. 34, 163–164; Семенов 1987, 62–64; 1988, 104–105, рис. 4а; Орлов, Рассамкин 1996, 102–116; Атавин 1996, 208–264; Рашев 2000, 16–37, 115, табл. 9; Гаврилов 1995, 111–112, 516–517, рис. 1, 2; Приходнюк 1995, 118–119; Приходнюк, Евдокимов, Данилко 2001, 77–81]. В литературе указанные захоронения иногда обозначаются условным термином — «памятники сивашовского типа» [Орлов 1985, 98–105; Орлов, Смиленко 1985, 226–228; Рашев 1993, 252; 2000, 16–37, 115, табл. 9; Орлов, Рассамкин 1996, 102–116; Матвеева 1996, 59; Приходнюк 2001, 39–40]. Наиболее полный свод этой группы кочевнических древностей (98 комплексов) недавно осуществлен Р. Рашевым [Рашев 2000, 16–37, 115, табл. 9].

¹⁹ Вопросы, связанные с локализацией местности «Огл», переселением булгар во Фракию, хронологией образования I Болгарского царства, в отечественной историографии подробно освещены в работах Г. Г. Литаврина [Литаврин 1985, с.140–151; 1999, с.192–212].

²⁰ С этими событиями не следует связывать уже цитированное сообщение еврейско-хазарского пересикта X в. о преследовании хазарами вплоть до Дуная народа «в-н-н-тр'ы» [Коковцов 1932, с.75–92]. Вероятно, в нем Иосиф смешал перипетии хазаро-булгарской борьбы с событиями более позднего времени. Археологическим подтверждением установления Хазарским каганатом к концу VIII в. контроля над территориями к западу от течения Дона могут служить пока немногочисленные ямные некрополи и поселения салтово-маяцкой культуры, открытые в Поднепровье [Швецов 1981, с.96–101].

его мнению, группообразующими признаками являются вторичный характер погребений и их северо-восточная ориентация. Картографирование памятников с указанными этноопределяющими чертами погребального обряда позволяет не только очертить ареал их распространения, но и выделить три локальных группы: северо-причерноморскую (Нижнее Поднепровье и степной Крым), кубанскую или кавказскую (правый берег нижнего течения Кубани), волжскую (на территории, ограниченной течением Дона, Хопра, Волги, южными склонами Приволжской возвышенности и северными отрогами Ергеней) [Рашев 2000, 16, 26 – 28, 36 – 37, 115, табл. 9]²¹.

С группой населения, осуществлявшей политическое руководство в северо-причерноморских степях в это время, имевшей высокий социальный статус и возможность прямых дипломатических контактов с Византией, связывают памятники «перещепинского круга». К их числу относят богатые кочевнические комплексы, открытые на левом берегу Среднего (Малое Перещепина, Новые Сенжары, Макуховка) и Нижнего Днепра (Вознесенка, Новогригорьевка, Келегеи), низовьев Северского Донца (Лимаревка), в течении Южного Буга (Глodosы, Ясиново)²². Случайный характер находок не позволяет в полной мере решить вопрос их функционального назначения. Лишь интерпретация Вознесенского комплекса как поминального храма не вызывает особых возражений исследователей [Амброз 1981, 19 – 20; 1982, 204 – 220; Семенов 1988, 100 – 101; Айбабин 1999, 178 – 179; Рашев 2000, 42 – 43; Приходнюк 2001, 41]. Его конструктивные элементы (каменно-земляной вал, окружавший прямоугольную площадку размерами 62х31 м, внутри которой обнаружено каменное кольцо площадью 29 кв.м, разрушенное двумя ямами с вещами, побывавшими в огне, и обгорелыми костями коня) находят близкие аналогии в центральноазиатских тюркских культовых сооружениях высшей знати VII – VIII вв. [Кызласов 1969, 33 – 35; Амброз 1981, 20, рис. 9, 15; Могильников 1981, 35 – 36, рис. 17, 2, 8; Савинов 1984, 59 – 60, 70 – 71; Кляшторный, Савинов 1994, 119 – 120, 124]. Присутствие обгорелого человеческого позвонка среди инвентаря со следами пребывания в огне, рисунок которого сохранился в архиве Л.А. Мацулевича, сближает Вознесенку с Глodosами и Новогригорьевкой [Семенов 1988, 100 – 101]. Однако реконструировать обряд последних достаточно трудно. В Глodosах кремированные останки человека и животного

²¹ К сожалению, нам осталась недоступной работа Е.В. Круглова (Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции. // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху Средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990), где публикуются основные памятники волжской группы, т.н. «авиловского типа». А.А. Тортика, на основании построенных им экodemографических моделей выделяет четыре племенных объединения болгар в Северном Причерноморье в течение VII в. [Тортика 1997, 66 – 67; 2002, 249 – 252].

²² С памятниками «перещепинского круга» связана обширная историография. Укажем работы последнего времени, посвященные не только их публикациям, но и общему анализу проблем, связанных с составом, хронологией, функциональной интерпретацией, этнической и культурной принадлежностью этой группы степных древностей [Смиленко 1975, 103 – 118; Амброз 1981, 12 – 13, 19 – 21; 1982, 204 – 220; Айбабин 1985, 191 – 202; 1991, 28 – 34; 1999, 173 – 184; Семенов 1986, 92 – 98; 1988, 97 – 109; Орлов, Смиленко 1986, 228 – 231; Балинт 1996, 54 – 62; Гавритухин, Обломский 1996, 71 – 73, 145; Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фонакова 1997; Комар 1999, 111 – 133; 2000, 130 – 140; Рашев 2000, 37 – 48, табл. 9, 42 – 56; Приходнюк 2001, 25 – 41].

го (овца) происходили из ямы диаметром более 1 м и глубиной около 0,7 м, обнаруженной на краю речной террасы, между двумя оврагами. Остается неясной связь с захоронением расположенных выше по склону двух рядов рвов [Смиленко 1975, 109 – 110; Айбабин 1999, 178; Рашев 2000, 43]. В Новогригорьевке погребальная конструкция в кургане (?) №17, отсутствие видимой насыпи которого подчеркивалась исследователем, представляла собой круглую каменную вымостку диаметром более 5 м. Из-под нее происходят вещи и обугленные кости человека и лошади. Неясно, существовало ли погребальное сооружение в ее центральной части, не занятой камнем [Семенов 1988, 97 – 100; Рашев 2000, 45]. Не исключено, что Глодосский и Новогригорьевский комплексы являются обычными погребениями по обряду трупосожжения на стороне, известные у тюркок-тутю по данным китайских письменных источников [Бичурин 1950, 230, 256, 260; Кляшторный, Савинов 1994, 95, 123], но не зафиксированные пока археологически [Могильников 1981, 32; Савинов 1984, 35]. Погребением, скорее всего, являлся «клад», открытый в 1912 г. у Малой Перещепины в яме глубиной до 1 м и размерами в поперечнике около 1,5 м [Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997, 87]. В пользу этого свидетельствуют найденные вместе с вещами сгнившие куски дерева (дуба) в виде дощатых брусьев и остатки коричневой ткани, которой, вероятно, обили погребальное сооружение [Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997, 104], а также скрепленные железными гвоздями квадратные пластины из листового золота со стороной 6,8 – 7,2 см (в коллекции Эрмитажа хранится 230 целых, 51 крупных и множество мелких фрагментов), украсившие его. Последние были изготовлены непосредственно для погребальной церемонии [Львова 1993, 111 – 115, рис. 1 – 3; Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997, 221 – 224; Львова, Маршак 1998, 490 – 498]. Вероятно, аналогичная конструкция происходит из могилы знатного аварского вождя в Кунбабони (Венгрия) с монетами Константина IV 674 – 681 гг. выпуска. Здесь деревянное ложе и крышка к нему были обиты квадратными позолоченными серебряными пластинами [Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997, 222 – 223]. Отсутствие человеческих костей указывает на то, что погребение в Малой Перещепине, возможно, является кенотафом, своеобразным поминальным даром в честь представителя кочевой знати, тело которого не сохранилось²³.

Остальные памятники перещепинского круга обычно классифицируются как погребения по обряду труположения с сопровождающим захоронением коня [Рашев 2000, 46]. Однако сведений о находках костей человека в них нет. Лишь в Келегеях, Ясиново, Новых Сенжарах вместе с вещами были извлечены лошадиные кости, что позволяет гипотетично отнести эти комплексы к числу труположений(?) с сопровождающим захоронением коня [Айбабин 1985, 191 – 196; 1993, 28 – 34; Семенов 1986, 93, 95 – 96; Рашев 2000, 43 – 46].

²³ В 1963 г. один из находчиков вспомнил об углях, золе, костях человека, сопровождавших открытие комплекса [Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997, 108]. Отсутствие дополнительных свидетельств об этих деталях погребального обряда делает сомнительным их использование в научной работе.

В условиях отрывочной и противоречивой информации о погребальном обряде рассматриваемую группу памятников объединяют иные признаки [Рашев 2000, 37]. Помимо близкого ареала находок это, во-первых, преобладание во всех комплексах изделий из драгоценных металлов. Во-вторых, немногочисленность деталей поясных наборов «геральдического типа» и использование в качестве одного из основных элементов технических украшений т.н. «разросшейся (или «перевязанной») пальметты» (Малая Перещепина, Вознесенка, Келегеи, Новые Сенжары, Новогригорьевка, Ясиново) [Рашев 2000, табл. 45, 47, 51, 54–56].²⁴ К сказанному добавим, что широкое применение зерни, вставок из стекла или полудрагоценных камней в качестве украшения изделий сближает перещепинскую и сивашовскую группы памятников [Комар 2000, 139] и, очевидно, свидетельствует о сходных культурных традициях в рассматриваемый период времени у населения, оставившего их. В-третьих, еще одной особенностью памятников типа Малая Перещепина является присутствие среди инвентаря владетельских инсигний, к которым могут быть отнесены, с различной долей сомнений, золотая облицовка деревянного посоха с набадашником и золотые перстни с монограммами (Малая Перещепина) [Рашев 2000, табл. 42, 1–4]²⁵, золотой ритон (Малая Перещепина, Вознесенка) [Рашев 2000, табл. 43, 3, 4; Львова 1996, рис. 3], мечи с кольцевым навершием в золотой облицовке с неудобной для пользования из-за обилия украшений рукоятью (Малая Перещепина, Глodosы, Келегеи) [Рашев 2000, табл. 44, 1, 2, табл. 52, 2; Львова 1996, рис. 1; Айбабин 1991, 28–29, рис. 1], поясной набор с псевдопряжками (Малая Перещепина, Келегеи) [Айбабин 1991, 30, рис. 2, 11, 12; Рашев 2000, табл. 44, 7–29], золотая гривна (Малая Перещепина, Келегеи) [Айбабин 1991, 31, рис. 3, 10; Львова 1995, рис. 2, 3], золотые медальоны из солидов утяжеленного в 2,5 раза веса (Малая Перещепина) [Соколова 1993, 146–147], предметы (мечи, стремена), инкрустированные золотой насечкой по железу (Малая Перещепина, Вознесенка) [Семенов 1988, 106, рис. 5]. Наконец, в-четвертых, памятники перещепинского круга входят в зону распространения в Северном Причерноморье «легких» (20 карат) солидов, чеканенных в правления Ираклия и Константа II, наиболее поздние из которых относятся к 642–646 гг. выпуска [Семенов 1991, 121–126; Соколова 1993, 145–152]. Изготавливаемые с конца правления Юстиниана I (527–565) вплоть до первого периода царствования Юстиниана II (685–695) золотые византийские монеты облегченного веса (20–23 карата; 20-каратные перестают чеканить еще при Константине IV

²⁴ По мнению Б. Иванова и О. Пелевиной, изделия из Малой Перещепины и Ясиново, декорированные таким образом, стали наиболее близким прототипом для украшения деталей поясных наборов с «перевязанной пальметтой», происходящих с памятников Приуралья, Прикамья, Северного Кавказа, Крыма, Болгарии, Словакии, Австрии кон. VII — первой половины VIII в., что связано с расселением болгар после распада государства Кубрата [Иванов 2000, 61–73; Иванов, Пелевина 2001, 88–97].

²⁵ В приложении к монографии Й. Вернера (1984) В. Зайбт приводит расшифровку монограмм двух перстней — «Куврату» и «Куврату патрикию». В.Н. Залеская ввела в научный оборот еще один перстень, монограмму которого она предлагает читать как «Ват Органе патрикию» [Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фоянкова 1997, 42, 120–121]. И. Йорданов аргументированно обосновал новую расшифровку — «Куврату патрикию» [Йорданов 1991, 36–39].

(668 – 685) предназначались для выплаты дани и денежных расчетов с варварами обитавшими на границах империи [Семенов 1991, 124]²⁶.

Общая хронология древностей перещепинского круга укладывается в пределах сер. VII — нач. VIII в., в целом синхронных позднему этапу существования памятников «сивашовского типа». Уточнение датировки связано напрямую с решением проблемы этнокультурной принадлежности обеих групп памятников. В какой-то степени это объясняется современным состоянием изученности хронологии археологических материалов, позволяющим оперировать данными, в лучшем случае, до полувека и заставляющим историков сужать ее, обращаясь к другим видам источников, в первую очередь, письменным. Поэтому современные исследователи, которые датируют указанные группы памятников в целом концом VII — началом VIII в., соотносят их с хазарами [Артамонов 1990, 276; Айбабин 1985, 202; 1991, 34; 1999, 183, 185; Комар 1999, 111 – 120; 2000, 130 – 140], т.е. же, кто относит верхний предел существования «перещепинских» и «сивашовских» древностей к более раннему времени (сер. 2-й пол. VII в. или сер. 3-й четверти VII в.) — с болгарскими племенами [Смиленко 1975, 117 – 118; Орлов 1985, 104; Семенов 1986, 97; 1987, 64; 1988, 104, рис. 4а; 1991, 127; Димитров 1987, 109 – 112; Баранов 1990, 109 – 115; Приходнюк 1995, 118 – 119; 2000, 154; 2001, 37 – 39; Балин 1996, 62; Орлов, Рассамкин 1996, 115; Гавритухин, Обломский 1996, 145; Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фoniaкова 1997, 87 – 100, 185 – 186; Безуглов, Науменко 1999, 40; Рашев 2000, 36 – 37, 47 – 48].

В пользу болгарской атрибуции указанных групп памятников свидетельствуют следующие факторы. Во-первых, география археологических находок, которая в целом совпадает с ареалом расселения булгар в восточноевропейских степях VI – VII вв. по данным письменных источников. Более того, выделение локальных групп памятников типа «Сивашовка» делает возможным их соотнесение с отдельными болгарскими племенами — кутригурами (причерноморская группа) и унигундурами (кубанская группа) и унигундурами Аспаруха (волжская группа).

²⁶ В состав Перещепинского комплекса кроме двух упоминавшихся золотых медальонов — даров императоров иностранным правителям, датированных 629 – 632 гг., а также поливесных солидов правления Маврикия (582 – 602) (1 экз.), Фоки (602 – 610) (2 экз.), Иракия и Иракия Константина 629 – 632 гг. выпуска (4 экз.), Иракия, Иракия Константина и Ираклеона чекана 636 – 641 гг. (1 экз.) входили 20-каратные солиды Иракия, Иракия Константина и Ираклеона 637 – 638 (41 экз.) и Константа II 642 – 646 гг. выпуска (19 экз.) [Соколова 1993, 146]. В Келегях вместе с «легкими» солидами Юстиниана I (1 экз.) и Иракия 610 – 613 гг. (1 экз.) найдены полновесные золотые монеты правления Иракия, Иракия Константина и Ираклеона 631 – 641 гг. (5 экз.), Константа II 641 – 646 гг. выпуска (1 экз.) [Семенов 1991, 124; Рашев 2000, 44]. Из Ново-Сенжарского погребения происходят три солида: полновесный времени Фоки и два «легких» раннего периода правления Константа II с изображением «безбородого» императора, т.е. не позднее 646 г. [Семенов 1986, 96; Рашев 2000, 45]. В Макуховке и Лимаревке найдены соответственно полновесные солиды Иракия, Иракия Константина и Ираклеона 637 – 638 гг. и Юстиниана I [Семенов 1986, 93; 1988, 102, рис. 4]. Чтобы завершить обзор нумизматических находок, связанных с кочевниками этого времени в Северном Причерноморье, упомянем находки солидов из Уч-Тепе (Юстин I), из разрушенных погребений «сивашовского типа» у с. Иосифовка Запорожской обл. (Иракий 613 – 625 гг.) и в Днепропетровской обл. (1 экз. подражаний оригиналу Константа II 641 – 647 гг.), случайные находки солидов Иракия у с. Паченая Кировоградской обл. и в кладе у с. Майстры Запорожской обл. [Рашев 2000, 34; Семенов 1991, 102, рис. 4]. Добавим, что наиболее поздний 20-каратный солид Константа II с сыновьями (около 661 – 663 гг. выпуска) происходит из Краснодарского края [Соколова 1993, 152].

группа). Локализация наиболее «богатых» погребальных и поминальных болгарских комплексов в Поднепровье («перещепинская группа» памятников), в составе которых присутствуют солиды и драгоценные изделия византийского происхождения, скорее всего, свидетельствует о том, что в середине VII в. здесь располагался политический центр «державы» Куврата. Во-вторых, сходные черты погребального обряда населения, оставившего памятники типа Сивашовка в Северном Причерноморье и Приазовье и погребения типа Мадар III на правобережье Дуная, а также группу захоронений с конем раннеаварского времени, расположенную к востоку от р.Тисы. Мадарский комплекс связывается исследователями с расселением на Балканах болгар-уногундулов Аспаруха в конце VII в., отмеченные кочевнические погребения на территории Венгрии — с булгарами-кутригурами, входившими в состав Аварского каганата с конца VI в. [Рашев 2000, 63–65, 71–75]. По составу и технике украшений изделий комплексы перещепинского круга находят многочисленные аналогии в древностях среднеаварского периода типа Озора-Тотипуста [Рашев 2000, 66–68]. В-третьих, анализ нумизматического материала, происходящего из памятников круга болгарских древностей в Северном Причерноморье и группы подкурганых захоронений с ровиком в степной части Азово-Каспийского междуморья, вероятность хазарской атрибуции которых достаточно велика. Как уже отмечалось, в погребальных комплексах типа Малая Перещепина преобладают солиды времени Ираклия и Константа II. Присутствие в них наряду с полновесными «легких» 20-каратных солидов свидетельствует о непосредственных контактах кочевников и Византии, сопровождавшихся «инъекциями» имперского золота в этот регион. Наиболее поздние монеты датируются 641–646 гг. выпуска. Представляется не случайным прекращение поступления византийских золотых монет с этого момента в Поднепровье и практически одновременное их появление в Подонье. Наиболее ранним в серии монет из подкурганых погребений с ровиками с типичным для них инвентарем является «бородатый» солид Константа II выпуска 651–654 гг. (курган 14 Подгорненского IV могильника на южном берегу Цимлянского водохранилища) [Семенов 1991, 126; Безуглов, Науменко 1999, 35, 40], наиболее поздним — ранний солид Константина V 741–751 гг. (Садовое) [Семенов 1988, 102–103, рис. 4; 1991, 126–127]²⁷. Достаточно высокие датирующие способности византийских золо-

²⁷ К сожалению, комплекс из Садового не опубликован, поэтому невозможно определенно сказать, является ли солид случайной находкой или происходит из погребения. Золотые монеты более позднего времени связаны с погребальными комплексами салтово-маяцкой культуры: Нетайловка (Константин V, эмиссия 751–757 гг.) [Тахтай 1999, 164; Крыганов 1997, 39], Снежное [Семенов 1993, 95], Старый Салтов (бронзовая монета, обтянутая золотой фольгой, — подражание солиду Константина V 751–775 гг.) [Семенов 1988, 102–103, рис. 4; Михеев 1985, 6]. Единственное на сегодняшний день, исключение — солид 751–754 гг. выпуска из подкурганного захоронения с ровиком могильника Барашовка I на правом берегу р. Иловля, но здесь его сопровождал салтово-маяцкий материал [Крутлов 1992, 177–179, 182]. Солид Константина V эмиссии 751–757 гг. вместе с салтово-маяцким инвентарем был найден в разрушенном строительными работами погребении у г. Чистякова (современный г. Торез Донецкой области). Форма могильной конструкции, как и погребальный обряд в целом, не восстанавливается. В отчете и публикациях имеются путанные сведения о наличии костей коня и человека из погребения [Тахтай 1999, 160–164; Кравченко, Шамрай 2000, 70–81]. Наиболее значительная серия золотых монет Константина V (255 экз.) связана с «кладом», найденным у г. Славянска-на-Кубани, состав которого отражен пока лишь в предварительной публикации. Единичными находками в

тых монет сер. VII — сер. VIII в, на сегодняшний день подтверждаются не только параллельными находками арабских динаров, но и хронологией поясных наборов из погребений с ровиками, содержащих солиды этого времени [Семенов 1993, 94–95; Безуглов, Науменко 1999, 35–42; Иванов, Копылов, Науменко 2000, 81–89]. Все это является археологическим свидетельством в пользу хазарской атрибуции указанной группы памятников. Из всего сказанного закономерным представляется вывод о том, что 50-е гг. VII в. намечают хронологический рубеж начального этапа смены болгарского доминирования в степной зоне Восточной Европы хазарским, а также изменения направления внешнеполитических связей Византии в этом регионе. Наконец, в-четвертых, уточнение хронологии начала хазарской экспансии в Северное Причерноморье предоставляет дополнительные аргументы в пользу принадлежности Перещепинского комплекса правителю уногунгуров Куврату или кому-нибудь из его ближайших наследников. Тем более, что не случайным кажется присутствие среди его инвентаря трех перстней с монограммами с его именем.

Таким образом, с 50-х гг. VII в. важнейшим фактором политической стабильности на юге Восточной Европы становится Хазарский каганат. Складывание хазарской государственности проходило в условиях широкой политической и территориальной экспансии хазар. Однако если в Северном Причерноморье с помощью усилий дипломатии Византийской империи удалось ограничить ее пределы Восточного Приазовья и нижним течением Дона, то в Закавказье хазары вплоть до 70–80-х гг. VIII в. оказались главными военно-политическими союзниками империи в борьбе с Арабским халифатом. Этот союз поддерживался Византией не только династийными браками Юстиниана II и Константина V, но и перманентными «инъекциями» имперского золота кочевникам, о чем определенно свидетельствуют археологические данные. Лишь после прекращения арабо-хазарской борьбы за гегемонию в Закавказье, Азово-Каспийским междуморьем окончательно ограничиваются политические и экономические интересы Хазарского каганата²⁸.

Литература

Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси, 1988.

Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953.

Айбабин А.И. Погребение хазарского воина. // СА. 1985. № 3.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранневизантийского времени. // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.

В нем представлены арабские динары чекана 718–719 гг. (1 экз.), 724–725 гг. (1 экз.), 738–739 гг. (2 экз.), солиды Льва III (выпуск 725–741 гг.; 3 экз.), Льва IV (выпуск 775–780 гг.; 8 экз.), Константина VI (выпуск 780–792 гг.; 1 экз.). Время сокрытия «клада» А.И. Семенов предварительно относит к 80–90-м гг. VIII в. [Semenov 1994, p.83–85].

²⁸ Более подробно о характере византийско-хазарских отношений и о внешнеполитической доктрине каганата на юге Восточной Европы см.: Науменко 2001, 336–355; 2002, 544–554.

- Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя. // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. II.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации. // Древности эпохи Великого переселения народов V — VIII вв. М., 1982.
- Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении. // СА. 1990. № 3.
- Атавин А.Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
- Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь). // СА. 1987. № 1.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Афанасьев Г.Е., Атавин А. Г. Что же такое хазарский погребальный обряд? (проблемы материала, археологического анализа и интерпретации). // Хазары. ТД II между. коллоквиума. М., 2002.
- Ахмедов Б.А. Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990.
- Балинт Ч. О принадлежности находки в Малой Перещепине Куврату (история вопроса). // Материалы I тыс. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего Средневековья. Киев, 1990.
- Баранов И.А. Великая Булгария и Крым: итоги и проблемы изучения. // Византия и Крым. ТД между. конф. Симферополь, 1997.
- Безуглов С.И., Науменко С. А. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья. // ДА. 1999. № 1.
- Бейлис В.М. Сообщения Халифы Ибн Хайята ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.
- Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI — VIII вв.: Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.-Л., 1946.
- Бешевлиев В. За разнородната същност на първобългарите. // Плиска—Преслав. София, 1981. Т. 2.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 1.
- Божилов И., Димитров Хр. Protobulgarica (заметки по истории протоболгар до середины IX в.). // Byzantinobulgarica. София, 1995. Т. 9.
- Васильев А.А. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Ч. II.
- Вернадский Г.В. Древняя Русь. М. — Тверь, 1996.
- Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Меландр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. СПб., 1860.
- Власкин М.В., Илюков А. С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маньча. // СА. 1990. № 1.
- Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму. // МАИЭТ. 1995. Вып. 5.

Гаврилухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. Л, 1979.

Гадло А.В. Отражение социальной борьбы внутри Хазарского племенного объединения VII в. в памятниках еврейско-хазарской переписки. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985.

Гаркави А.Я. Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о Славянах и Руссах». СПб., 1871.

Георгиев П. Плискова-Плисков и прабългарите в Източното Приазовие и Северното Причерноморие. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. 7.

Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М. – Иерусалим, 1997.

Голден П. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов. // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987.

Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Заходер Б.Н. Каспийский Свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т.2.

Зотов О.В. Тюрки, уйгуры, Восточный Туркестан. // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы, 1998.

Иванов А.А., Копылов А.А., Науменко С.А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала. // ДА. 2000. № 1.

Иванов А.А. К вопросу о культурно-этнической характеристике раннесредневековых погребений из курганов с ровиками по данным погребального обряда. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунар. конф. Харьков, 2001.

Иванов А.А. К вопросу об этнокультурной характеристике захоронений в «курганах с ровиками» Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. // Хазары. ТД II междунар. коллоквиума. М., 2002 (а).

Иванов А.А. О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. // Хазарский альманах. Харьков, 2002 (б). Т. 1.

Иванов Б. Коланни детали тип «Неволино» от территорията на България. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т.7.

Иванов Б., Пелевина О. Детали наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии. // РА. 2001. № 3.

Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. // ИГАИМК. 1934. Вып. 91.

Йордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб., 1997.

Йорданов И. Сфрагистични паметници на ранната Българска държава. // Проблемите на прабългарската история и култура. София, 1991. II.

Йорданов Ст. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: I. Племенната общност на уногундурите, patria Onoguria и Велика България. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1996. Т.5.

Йорданов Ст. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: II. Системата тьолис-тардуш и двудялбата «българи-котраги» в «Старата Велика България». // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1997. Т. 6.

Йорданов Ст. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: III. Административната организация на «Старата Велика България» и трнчастното

- племенно деление на Волжска България. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. 7.
- Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В. Катакомбы скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону. // АО — 1971. М., 1972.
- Ключников В. В. Курганы хазарского времени из могильника Частые Курганы на Нижнем Дону. // Хазары. ТД II межд. colloquium. М., 2002.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. *
- Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы. // Vita Antiqua. 1999. № 2.
- Комар О.В., Піоро В.Т. Кургани хазарського часу на Луганщині. // Vita Antiqua. 1999. № 2.
- Комар О.В. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї. // Археологія. 2000. № 1.
- Константи́н Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Копылов В.П., Смоляк А.Р. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII — 1-й половине VIII вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и в Средние века. Ростов-на-Дону, 1988.
- Косяненко В.М. Погребение у слободы Большая Орловка — ранний памятник салтовомаяцкой культуры. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области. // ДА. 2000. № 3 — 4.
- Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли. // РА. 1992. № 4.
- Круглов Е.В. Хазары — история только начинается. // Хазары. ТД II межд. colloquium. М., 2002 (а).
- Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI — VIII вв. в восточноевропейских степях. // Хазарский альманах. Харьков, 2002 (б). Т. 1.
- Крыганов А.В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы. // Культуры степей Евразии 2-й пол. I тыс. н.э. (вопросы хронологии). ТД межд. конф. Самара, 1997.
- Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. III (602 — 717 гг.).
- Кызласов Л.Р. История Тувы в Средние века. М., 1969.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI вв.). // Раннефеодальные государства на Балканах. VI — XII вв. М., 1985.
- Литаврин Г.Г. К проблеме становления Болгарского государства. // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
- Львова З.А. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса. // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
- Львова З.А. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса. // МАИЭТ. 1995. Вып. 4.
- Львова З.А. Вещи из Перещепино, выполненные в византийской мастерской для кочевников. // Византия и византийские традиции. СПб., 1996.
- Львова З.А., Маршак Б.И. Последнее пополнение Перещепинского сокровища его владельцем. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.
- Львова З.А. К вопросу о возможном двоеверии некоторых предводителей кочевников Приднепровья в VII в. // Культура и искусство христиан-негреков. ТД межд. конф. СПб., 2001.

- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Матвеева Г.И. К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могильников В.А. Тюрки. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Вып. 1.
- Мыц В.А., Агаксина С.Б. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустана // STRATUM+. 1999. № 6.
- Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VII — середине IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.—Магнитогорск 2002. Вып. XII.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии. // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10.
- Оболенский Д. Византийское Содружество наций. М., 1998.
- Орлов Р.С. Культура кочевников IV — VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.
- Орлов Р.С., Смиленко А.Т. Погребения кочевников и клады эпохи раннего Средневековья. // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
- Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я. Новые памятники VI—VII вв. из Приазовья. // Материалы I тыс. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. // ЖМНП. 1883. Ч. 226. № 3.
- Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. // ВДИ. 1939. № 1.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.
- Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии. // СА. 1990. № 2.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1997.
- Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат. // Хазары. ТД II межд. коллоквиума. М. 2002.
- Приск Панийский. Готская история. // ВДИ. 1948. № 4.
- Приходнюк О.М. Археологические данные о связях славян и степного населения VII—VIII вв. // МАИЭТ. 1995. Вып. 5.
- Приходнюк О.М. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников). // МАИЭТ. 2000. Вып. 7.
- Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тисячоліття н.е.). Київ, 2001.
- Приходнюк О.М., Евдокимов Г.Л., Данилко Н.М. Ранньосередньовічне поховання кочівника із с. Суханове на Херсонщині. // Археологія. Київ, 2001. № 2.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

- Райт Дж. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988.
- Рашев Р. К вопросу о происхождении праболгар. // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
- Рашев Р. Прабългарите през V – VII век. В. Търново, 2000.
- Рашев Р. Множественность этнонимов и однообразие погребального обряда в степях Восточной Европы в VI – VII вв. // Хазары. ТД II межд. коллоквиума. М., 2002.
- Рыбаков Б.А. Русь и Хазария (к исторической географии Хазарии). // Сборник «Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952.
- Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. // СА. 1953. Т. 18.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону. // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.
- Семенов А.И. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Семенов А.И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга. // АСГЭ. 1986. Вып. 27.
- Семенов А.И. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Уч-тепе. // КСИА. 1987. Вып. 192.
- Семенов А.И. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. // АСГЭ. 1988. Вып. 29.
- Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса. // АСГЭ. 1991. Вып. 31.
- Семенов А.И. О датирующих способностях византийских солидов VII – VIII вв. // II Кубанская археологическая конференция. ТД конф. Краснодар, 1993.
- Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II – XIII ст.). Київ, 1975.
- Соколова И.В. Монеты Перещепинского клада. // ВВ. 1993. Т. 54.
- Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997.
- Так называемая Хроника Фредегара. // СДПИС. М., 1995. Т. 2 (VII – IX вв.).
- Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г. Чистяково Сталинской области. // Vita Antiqua. 1999. № 2.
- Тортица А.А. Новый взгляд на маршрут перекочевков в Великой Болгарии Кубрата. // Проблемы истории и археологии Украины. ТД межд. конф. Харьков, 1997.
- Тортица А.А. Экологически возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) — вторая — третья четверть VII в. н.э. // Судея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины. Киев—Судак, 2002.
- Федоров-Давыдов Г.А. В древней дельте Волги (из работ Поволжской археологической экспедиции). // Путешествия в древность. М., 1983.
- Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье. // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984.
- Фейгина С.А. Историография еврейско-хазарской переписки X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Феофилакт Симокашта. История. М., 1996.
- Флерова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. 2001. № 2.
- Флерова В.Е. Проблемы исследования ямных и курганных могильников хазарского времени на Нижнем Дону. // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
- Халшкова Е.А. Magna Hungaria. // ВИ. 1975. № 7.
- Халшкова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. // СА. 1976. № 3.

- Хвольсон Д. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн Дада, арабского писателя начала X века. // ЖМНП. 1868. Ч. 140. № 12.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты. // МАИЭТ. 2001. Вып. 8.
- Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1976.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
- Чудеса св. Димитрия Солунского. // СДПИС. М., 1995. Т. 2 (VII—IX вв.).
- Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. СПб., 1998.
- Швецов М.Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье. // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганов в урочище «Гува». // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1978.
- Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
- Afanasyev G.E. Archeology of the Khazar Problem. // The Khazars. Abstracts Int. Coll. Jerusalem, 1999.
- Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton-New Jersey, 1954.
- Darrouzes J. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
- Ludwig D. Struktur und Gesellschaft des Chazaren — Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Munster, 1982.
- Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Washington, 1990.
- Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 2.
- Semenov A.I. New Evidence on the Slavynsk (Anastasiyevka) Hoard of 8th Century AD Byzantine and Arab Gold Coins. // New Archeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. S.-Pb., 1994.

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ДА — Донская археология
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РА — Российская археология
СА — Советская археология
СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах
ТД — Тезисы докладов

